

самодетельности и 5 хоровых кружков. Создан актив в количестве 65 человек. В Приволжском улусе – 8 клубов и 7 изб-читален. Дом культуры в п. Кануково ежедневно демонстрировал кинофильмы, действовали кружки драматической самодеятельности. В большинстве улусов были установлены радиоузлы и во всех улусах – радиоприемники.

В августе 1943 г. ЦК партии принял специальное постановление об усилении культурно-просветительской работы в освобождавшихся районах. Предусматривались меры по укреплению материальной базы учреждений культуры, восстанавливались клубы, библиотеки, избы-читальни, Дома культуры, театры, кинотеатры, радиовещание.

Таким образом, Великая Отечественная война внесла в систему организации культурной жизни свои специфические формы и методы. Содержание культурной политики было подчинено интересам победы. Это предопределило основное направление перестройки деятельности всех учреждений культуры. Говоря об усилиях по восстановлению культуры, нельзя не сказать и об огромном ущербе, нанесенном врагом культуре.

Калмыкия мобилизовала свой духовный потенциал и внесла немалый вклад в разгром врага.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. П-1, Р-25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007.
2. Комков Г.Д. Политическая пропаганда и агитация в годы тяжелых испытаний // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. М., 1990. С. 36–60.
3. Максакова Л.В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977.
4. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.: документы и материалы. 3-е изд. Элиста, 2005.
5. Ермаков В.Т. Перестройка управления культурой на военный лад // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. М., 1990.
6. Очерки истории Калмыцкой АССР: эпоха социализма. М., 1970.

ББК 63.3 (2 Рос = Калм.)

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 110-й ОТДЕЛЬНОЙ КАЛМЫЦКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ НА НИЖНЕМ ДОНУ В ВОСПОМИНАНИЯХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

С.С. Белоусов

В статье на основе воспоминаний военнослужащих 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии рассматриваются история формирования и боевые действия дивизии на Нижнем Дону летом 1942 года. Работа базируется на воспоминаниях очевидцев событий, хранящихся в Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Ключевые слова: 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия, оборона Нижнего Дона, Великая Отечественная война, национальные воинские формирования, военные мемуары.

In the article on the basis of memoirs of the military men of the 110 Separate Kalmyk horse division, the author investigates a history of formation and battle actions of the division Nizhni Don in the summer of 1942. The paper is based on memoirs of the eyewitnesses of events stored in Scientific archive of Kalmyk Institute of Humanitarian researches.

Keywords: 110 Separate Kalmyk horse division, defense of Nizhni Don, the Great Patriotic War, national military formations, military memoirs.

110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее ОККД) была сформирована на территории Калмыцкой АССР и приняла свое боевое крещение в оборонительных боях

на Нижнем Дону летом 1942 года. Сохранились воспоминания ветеранов этой дивизии, которые являются ценным источником по изучению истории формирования и боевого пути 110-й ОККД.

Главная их ценность заключается в том, что они позволяют восполнить многое из того, что не нашло отражение в скупых оперативных сводках, донесениях и в других материалах, хранящихся в Центральном архиве министерства обороны СССР.

Начало изучению истории дивизии было положено в 1960-е гг., когда калмыцкий народ возвратился из ссылки и полным ходом шло восстановление республики. Обратиться к истории 110-й ОККД ученых и общественность Калмыкии побудили не только ее неизученность, но и политические соображения. Дело в том, что дивизия являлась национальным формированием, при этом свой боевой путь она начала с тяжелейших оборонительных боев на Нижнем Дону, где советские войска потерпели поражение. Дивизия понесла большие потери, и, рассеянная на части, была вынуждена отступать. Эти трагические обстоятельства в годы ссылки по ложному обвинению калмыцкого народа и противозаконной ликвидации Калмыцкой АССР породили различные слухи и вымыслы. В мнении части населения сложились представления о неустойчивости морального духа личного состава дивизии, не позволившего ей по этой причине выполнить задачу, поставленную советским командованием в ходе оборонительных боев на Нижнем Дону, об оставлении без приказа позиций и переходе некоторых ее военнослужащих на сторону врага. Чтобы опровергнуть их, очень важно было восстановить ее действительную историю, которая могла быть написана только в результате скрупулезного анализа всех имеющихся источников. Исследование вклада населения Калмыкии и, в том числе, 110-й ОККД в общую победу над фашизмом актуально как для жителей республики, так и для исторической науки.

Первая подборка документов и воспоминаний о боевых действиях дивизии на Дону была опубликована в 1966 году в сборнике «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». В данном сборнике в специальный подраздел были выделены материалы по истории 110-й ОККД – это около 30 архивных документов и воспоминаний ветеранов [1, с.10]. В силу своей малочисленности и краткости данные материалы не могли дать полного представления об истории дивизии, кроме того, в воспоминаниях ветеранов 110-й ОККД содержались и ошибочные сведения, и отдельные искажения фактов, вызвавшие впоследствии критику со стороны их боевых товарищей.

Опубликованные в сборнике «Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» документальные материалы послужили толчком к новым исследованиям по истории 110-й ОККД. В 1967 году был создан Совет ве-

теранов 110-й ОККД, который совместно с учеными Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы, истории (далее КНИИЯЛИ) принял решение о создании книги воспоминаний о боевых действиях дивизии. Возглавил эту работу кандидат исторических наук М.Л. Кичиков. Под его руководством были составлены и разосланы оставшимся в живых ветеранам опросные листы, разработана структура книги, начато выявление архивного материала.

Вскоре в КНИИЯЛИ стали поступать первые воспоминания бойцов и командиров 110-й ОККД об истории формирования дивизии и ее боевом пути. На предложение о сотрудничестве откликнулись бывшие представители командного и рядового состава 110-й ОККД: начальник политотдела, полковник А.И. Заднепрук, начальник штаба дивизии, подполковник И.А. Теврюков, начальник оперативного штаба, полковник Г.И. Бурмистров, военный прокурор дивизии, подполковник Д.С. Лебедкин, командир и комиссар 292 кавполка гвардии подполковники С.И. Ориночко и П.А. Кругляков, младшие командиры Н.В. Бадминов, И.Г. Ургадулов, Н.И. Даржинов, рядовой М.Г. Джунгуров и другие. Вместе с тем свои ответы на опросные листы и воспоминания прислали не все ветераны дивизии, не удалось разыскать и многих бывших командиров и политработников.

В переработанном виде воспоминания были включены в книгу воспоминаний военнослужащих 110-й ОККД об оборонительных боях на донском рубеже летом 1942 года. Эта книга вышла в Калмыцком книжном издательстве (г. Элиста) в 1969 году и называлась «В боях за Дон». В нее вошли 11 воспоминаний военнослужащих дивизии, отличающиеся различной степенью информативности. Наиболее ценные и интересные воспоминания дали представители командного состава дивизии, что не случайно, так как по своей должности эти люди руководили боевыми действиями и потому владели оперативной обстановкой и общей картиной боя. Воспоминания были опубликованы в переработанном виде: составители сборника исключили некоторые сюжеты из воспоминаний, посчитав их несущественными или же не служащими делу воспитания молодого поколения. Необходимо отметить, что сами ветераны ясно осознавали главную цель публикации и по этой причине не пытались включать в свои воспоминания сюжеты, способные вызвать критику со стороны партийно-государственных органов и составителей сборника. Ветераны принадлежали к поколению сталинской эпохи и поэтому знали, о чем можно писать и когда следует благоразумно промолчать.

Книга «В боях за Дон» содержит воспоминания ветеранов дивизии об истории формирования дивизии и ее боевом крещении на

Нижнем Дону. Первый раздел книги называется «Формирование 110-й ОККД», и для него были отобраны воспоминания, подготовленные в основном представителями командного состава дивизии.

Решение о создании национальных частей на территории Северо-Кавказского военного округа было принято Государственным Комитетом Обороны в ноябре 1941 года. Их формирование возлагалось на командование округа и власти национальных республик. Процесс формирования 110-й ОККД занял около полугода, в течение этого времени она обрела организационную структуру и личный состав, получила вооружение и прошла военную подготовку. Финансирование и материальное обеспечение (за исключением вооружения) дивизии осуществлялись за счет средств Калмыцкой АССР. В дивизию призывались мужчины преимущественно калмыцкой национальности в возрасте от 18 до 40 лет. К началу марта 1942 года практически завершилось ее укомплектование личным составом (4,5 тыс. сабель) [2, с. 42]. Одновременно дивизия получила вооружение и имущество. По воспоминанию начальника политотдела дивизии А.И. Заднепрука, перед выступлением на фронт дивизия «была вооружена на 80 – 85 % к штатному вооружению» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 88. Л. 3], поэтому довооружаться ей пришлось в канун боев на новом месте дислокации.

110-я ОККД была сформирована в составе 273, 292, 311 кавалерийских полков, 110-го отдельного конно-артиллерийского дивизиона (ОКАД), отдельного разведывательного кавалерийского эскадрона и нескольких небольших специальных и вспомогательных подразделений. В период своего формирования дивизия располагалась в населенных пунктах Сарпинского и Малодербетовского районов.

В опубликованных воспоминаниях ветеранов достаточно сжато говорится о трудностях, с которыми столкнулась дивизия в начальный период своего комплектования. Указывалось на отсутствие приспособленного для проживания большого количества людей жилья и помещений для конского состава, материальной базы для военного обучения бойцов и командиров, на трудности их обеспечения продовольствием и топливом, фуражом для лошадей. Многие из рядовых призывников-калмыков не проходили ранее действительную военную службу, не владели русским языком или плохо его знали. Это порождало проблемы при обучении военному делу и усложняло контакты с военнослужащими славянских национальностей, представители которых занимали многие командные должности. Так, согласно архивным документам, славяне составляли большинство среди командиров высшего и среднего

звена дивизии, калмыки преобладали в младшем комсоставе (70 % по состоянию на май 1942 г.) [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 210. Л. 35]. В целом по своей национальной принадлежности военнослужащие 110-й ОККД распределялись следующим образом: из 4597 человек 3186 человек были калмыками (70 %), 1160 – русскими (25,2 %), 214 – украинцами (4,6 %), 31 – белорусами, 106 – представителями других национальностей [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 210. Л. 35].

Руководству 110-й ОККД пришлось приложить немало усилий, чтобы из не знакомых с военным делом новобранцев подготовить обученных солдат. Их учили владению стрелковым и холодным оружием, тактике наступательного и оборонительного боя и, конечно же, конному делу. Учитывая специфику соединения, командование уделяло большое внимание обучению езде на лошадях и владению холодным оружием. Бывший помощник начальника оперативного отделения штаба 110-й ОККД Г.И. Бурмистров в своих воспоминаниях, хранящихся в научном архиве КИГИ РАН, указывал на то, что конная подготовка проводилась не только с рядовыми, но и с офицерами штаба, многие из которых были призваны из запаса и не знали верховой езды. Обучались езде на лошадях и медицинские работники медсанэскадрона, состоящего в большинстве из женщин. Бурмистров отмечал, что пополнение конского состава дивизии чаще всего осуществлялось за счет лошадей, не обученных под верховую езду и упряжь, поэтому предварительно их приходилось выезживать. В этом деле, по его словам, калмыкам не было равных [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 61].

К поступающим из хозяйств Калмыкии лошадям у командования имелись претензии. Начальник ветеринарной службы 110-й ОККД майор Д.С. Чепель в своих неопубликованных воспоминаниях писал: «На пополнение дивизии поступала в большинстве своем лошадь, не совсем отвечающая требованиям кавалерийской лошади...» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 210. Л. 50]. В первый день своего пребывания в дивизии он обнаружил среди конского пополнения больных лошадей, которых из-за отсутствия лекарств по его приказу поместили в наспех сооруженные простые газкамеры и немедленно окурили сернистым газом. Чтобы обеспечить командование дивизии хорошими лошадьми, Чепель по приказу начдива Панина совершил поездку в ближайший конский племязавод, где выбрал 10 – 15 «красивых лошадей». Дирекция племязавода крайне неохотно на это согласилась, так как уже отдала в действующую армию значительное количество племенных лошадей и берегла оставшихся [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 210. Л. 51].

Подготовка дивизии к будущим боевым столкновениям во многом зависела от уровня военной подготовки ее командного состава. При назначении на руководящие должности в дивизию Наркомат обороны СССР учитывал национальность офицера, наличие у него боевого и организационного опыта, а также опыта службы в национальных частях. Большинство ветеранов положительно и тепло отзывались о командире 110-й ОККД полковнике В.П. Панине, погибшем в 1944 г. при освобождении города Рогачева. В воспоминаниях приводятся многочисленные факты его деятельности по организации обучения личного состава дивизии. Начальник политотдела дивизии А.И. Заднепрук характеризует Панина как «высокоподготовленного», «культурного, политически грамотного», «скромного и дисциплинированного» офицера. Он отмечает хорошую военную подготовку начдива, его храбрость, уравновешенность и способность не теряться в сложных ситуациях [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 59]. В гражданскую войну и после ее окончания Панин служил в коннице. По свидетельству бывшего комиссара Отдельного конно-артиллерийского дивизиона 110-й ОККД В.С. Найдина, Панин метко стрелял и мастерски владел клинком (рубил с двух рук, на скаку перебрасывая саблю из одной руки в другую) [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 6]. Такими же хорошими конниками, обладавшими опытом боевых действий, среди старшего начсостава 110-й ОККД были заместитель комдива полковник В.А. Хомутников, полковой комиссар С.Ф. Заярный, начальник политотдела дивизии батальонный комиссар А.И. Заднепрук, начальник штаба подполковник М.Т. Бимбаев.

Комиссара Заярного А.И. Заднепрук характеризовал как очень требовательного командира, особенно нетерпимо относящегося к военнослужащим, совершившим аморальные поступки. Он приводит факт, когда «за нарушение партийной и командной этики и морали» был снят с должности командир 311-го кавалерийского полка М.С. Шарапов. Относительно В.А. Хомутникова Заднепрук заметил, что ему, хотя он и был хорошим командиром, «в некоторых вопросах тактики, огневой подготовки не доставало глубоких знаний» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 59]. Эти пробелы, по словам комиссара, Хомутников, благодаря своему трудолюбию, впоследствии восполнил. По свидетельству Заднепрука, в феврале 1942 года Хомутников предложил руководству дивизии изготовить пики для сабельных эскадронов, однако на это оно согласия не дало.

К сожалению, составители сборника «В боях за Дон», авторы трижды переизданной книги по истории 110-й ОККД «В годы суровых испытаний» не в полной мере использовали материалы

ветеранов, касающиеся личных качеств руководителей дивизии. Поэтому их характеристики получились достаточно шаблонными, на что обратил внимание в свое время рецензировавший книгу воспоминаний «В боях за Дон» старший научный сотрудник Института военной истории СССР, кандидат исторических наук И.В. Ставицкий.

Работу по формированию и обучению дивизии возглавлял штаб дивизии, большинство офицеров которого являлись кадровыми военными. Подавляющее большинство из них (по воспоминаниям А.И. Заднепрука – 85 %), однако ранее в штабах и управлениях никогда не работали [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 59]. Офицерам пришлось упорно овладевать навыками штабной работы, так как от нее зависели успех управления подразделениями и взаимодействие между ними.

3 мая 1942 года 110-я ОККД получила приказ руководства Сталинградского военного округа о переходе в распоряжение командования Северо-Кавказского направления и передислокации в район Зимовники – Куберле. Дивизии предстояло скрытно пройти по открытой пересеченной местности 325 километров. Командование дивизии провело рекогносцировку маршрута и разработало политический план движения подразделений [2, с. 64]. Бывший военный комиссар 292-го полка П.А. Кругляков вспоминал, что командование дивизии опасалось чрезвычайных происшествий, которые могли возникнуть при прохождении частей через Сарпинский район Калмыцкой АССР и донские станицы. Для этого командиры и политработники подразделений взяли на учет всех военнослужащих, уроженцев Сарпинского района, и провели с ними беседы о том, как вести себя при встрече с родственниками. Предварительные встречи были также проведены с представителями населения донских станиц, через которые пролегал маршрут дивизии [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 61]. Редакция сборника «В борьбе за Дон» исключила данные факты из мемуаров Круглякова, не были они использованы и в последующих публикациях по истории дивизии.

Прибыв 26 мая в заданный район, 110-я ОККД получила приказ выдвинуться к реке Дон на рубеж между станицами Семикаракорская и Багаевская. Во время движения дивизии к фронту стояла хорошая, теплая погода, и бойцы радовались жизни, стараясь не думать о будущих боях и возможной своей гибели. Эти настроения людей, направляющихся в район боевых действий, хорошо донес до нас в своем письме лейтенант 311-го кавполка П.Е. Сякин. В датированном 12 июня 1942 года письме родным он пишет: «Лежа на спине в одном из садилов, смотрю, как,

низко склоняются ветки вишни, с ветки на ветку перелетают птички. Солнце своими лучами загоняет в тень. По небу плывут дымчатые облака. В этот день хочется жить, жить! И дышать полной грудью, вдыхая свежий воздух» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 197]. Через месяц автор письма погиб во время разведки в районе станицы Раздорской.

В первых числах июня 110-я ОККД прибыла в район новой дислокации и была введена в состав 51-й армии, перед которой командование Северо-Кавказского направления поставило задачу организации обороны на южном участке по левому берегу р. Дон. Из-за недостатка сил было решено обороняться путем создания системы опорных пунктов. Один из 7 боевых участков поручили защищать 110-й ОККД: ей предстояло оборонять местность между станицами Семикаракорская и Богаевская, шириною 58 километров и глубиной 40 километров. Командование 51-й армии, не имея других возможностей, вынуждено было использовать конную дивизию в качестве стрелковой. Так как оперативная плотность обороны 51-й армии в шесть и более раз была меньше уставной нормы, то она строилась методом прикрытия отдельных направлений, поддержания огневой связи, патрулирования и наблюдения за труднодоступными для действий войск участками фронта. Командование 110-й ОККД решило создать и оборудовать опорные пункты и узлы сопротивления в местах наиболее вероятного наступления противника, в первую очередь в районах переправ Раздорская, Мелиховская, Калинин, Багаевская [2, с. 83]. Эта вынужденная мера предопределила растянутость обороны, усложнила связь и управление между подразделениями, подвоз боеприпасов на позиции. Руководство дивизии особенно тревожил недостаток технических средств связи, которыми дивизия была обеспечена лишь на 15 – 20 %.

Оборону осложнял также рельеф местности. В своих воспоминаниях бывший комиссар 292-го кавполка П.А. Кругляков отмечал, что занимаемый дивизией левый берег Дона являлся поймой реки и был ниже правого. Это давало немцам возможность просматривать позиции 110-й ОККД на 10 – 12 километров вглубь, в то время как правый, занятый немцами берег просматривался на 400 – 500 метров в глубину. Ко всему прочему дивизия не имела танковой и авиационной поддержки. «Мы понимали, – писал Кругляков, – что такой рубеж обороны был бы по силам армии, оснащенной современной боевой техникой, но, видимо, не было такой возможности у командования фронта. Взвешивая все это, мы добавляли еще и то обстоятельство, что части дивизии вступают в бой впервые, что мы выполняем задачу прикрытия отхода некоторых частей и соедине-

ний фронта, задачу возможно дольше задержать врага на правом берегу р. Дон и тем самым дать возможность какой-то части войск фронта подготовиться к будущим сражениям. Иначе говоря, мы сознавали свою обреченность....» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 61].

Отрицательно на настроения военнослужащих дивизии также влияли переправлявшиеся через Дон и проходившие через ее порядки отступающие войска и эвакуирующееся гражданское население. По словам Круглякова, это «удручающе действовало на настроение» бойцов. Ввиду господства в небе немецкой авиации гражданские переправлялись в светлое время суток, а войска с целью минимизации потерь – ночью. Некоторые из отступающих удивлялись монголоидному облику бойцов дивизии, когда один из гражданских лиц поинтересовался – не китайцы ли это? – его арестовали и отправили на допрос в Особый отдел дивизии [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 61].

Данные свидетельства комиссара Круглякова не были включены в книгу «В боях за Дон», его составители, по-видимому, посчитали, что у читателей может сложиться мнение, отличающееся от принятого официального о высоком боевом духе военнослужащих дивизии накануне сражений. В опубликованных воспоминаниях при характеристике настроений, царивших в подразделениях, акцент делался на их высоком боевом духе, который поддерживался активной политико-пропагандистской работой. В подтверждение приводились факты многочисленных бесед и собраний, проводимых политработниками в подразделениях, выпусков газеты и листов, патриотические высказывания военнослужащих, данные, свидетельствующие об увеличении численности членов партии и комсомола и другие. При этом ничего не говорилось о трудностях и проблемах, с которыми сталкивался начсостав дивизии в политико-воспитательной работе. Некоторое представление о них дают воспоминания старшего писаря штаба 110-й ОККД Д.Ц. Арбакова, впоследствии перешедшего на службу к немцам. В интервью Э.-Б. Гучиновой в 1998 году он рассказал о письмах из дома, где близкие и родственники жаловались бойцам о начале эвакуации скота и вывоза продовольствия из Калмыкии властями. «Люди голодали, пухли, писали своим сыновьям и мужьям о смерти детей от голода, просили их быстрее вернуться домой», – эмоционально говорил он Э.-Б. Гучиновой. По словам Д.Ц. Арбакова, командование 51-й армии за время тяжелых семидневных боев не оказало никакой помощи дивизии, сражавшейся против превосходящего по численности и вооружению врага. «Мы были обречены на гибель. Плюс выгон скота из республики, голод родителей никак не настраивал солдат вести героическую борьбу», – резюмировал он [3, с. 77].

Оставшиеся в живых ветераны, безусловно, знали о негативных проявлениях в жизни военнослужащих дивизии, однако предпочли обойти их молчанием, видимо, полагая, что это может бросить тень на честь дивизии. В письме к руководителю исследовательской группы КНИИЯЛИ по написанию истории 110-й ОККД 18 мая 1971 года бывший военный прокурор дивизии Д.С. Лебедин высказался по этому вопросу вполне откровенно: «В своих воспоминаниях я стремился показать героизм некоторых бойцов и командиров, очевидцем которого являлся я сам, а не о том, кто и за что был привлечен к уголовной или дисциплинарной ответственности за совершенные преступления или проступки» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96]. Свое нежелание писать о них военный прокурор мотивировал соображениями морального характера, полагая, что это может навредить патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

В преддверии боев личный состав 110-й ОККД окапывался, совершенствовал свою боевую подготовку, проводил разведку на правом берегу Дона, вылавливал заброшенных немцами шпионов и диверсантов. Чтобы укрыть лошадей от обстрела, бойцы 292-го полка вырыли капониры в человеческий рост, которые обнесли плетнем и обваловали землей.

С приближением фронта через переправы усилился поток отступающих, потрепанных в боях частей Красной Армии. Бывший комиссар Отдельного конно-артиллерийского дивизиона 110-й ОККД В.С. Найдин, чьи мемуары не вошли в сборник «В боях за Дон», вспоминал, что через Багаевский мост, который оборонял его дивизион, круглосуточно шли «злые и голодные» военные. Комиссар дивизии Заярный приказал создать отряд из 40 человек, который должен был помогать начальнику переправы обеспечивать порядок и забирать оружие и боеприпасы у отходящих в тыл войск. Эта мера позволила восполнить недостаток вооружения и боеприпасов накануне боев. «Отходившие на новые рубежи, – писал Найдин, – передали нам 76-мм и 45-мм пушки, минометы, ПТР (противотанковые ружья), ручные пулеметы, гранаты, автоматы, боеприпасы, приборы, транспорт. Нашему примеру последовали и кавалеристы других частей дивизии. Мы вооружились до зубов. Некоторые отступающие солдаты присоединились к нам» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 9]. По свидетельству Найдина, в дивизию влилось около 50 отступавших солдат и 2 офицера-сапера, войсками было передано четыре 85-мм, три 75-мм и пять 45-мм орудий, одиннадцать ПТР, один счетверенный зенитный пулемет и две 37-мм зенитные пушки [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 21].

Уже упоминавшийся Д.Ц. Арбаков рассказывал Э.-Б. Гучиновой о размещении за спиной

110-й ОККД заградительного отряда НКВД, который получил приказ не допускать отступления и расстреливать покидавших позиции военнослужащих [3, с. 77]. Однако в воспоминаниях других военнослужащих дивизии этот факт не упоминается.

15 июля 1942 года немецкой авиацией впервые были нанесены бомбовые удары по переправам и боевым порядкам защищавших их подразделений дивизии. Появились первые потери. В последующие дни бомбежки продолжились. Вот как описывали их ветераны А.И. Заднепрук и Д.С. Лебедин: «В небе стаями носились «юнкерсы» и «хенкели». Они волнами штурмовали позиции и переправы через Дон. От рева моторов, свиста и завывания бомб и их разрывов не только земля содрогалась, но и содрогался воздух. Время от времени с воющим звуком появлялась «рама», высматривая каждый кустарник, сад, овраг, населенный пункт, а затем снова прилетали «юнкерсы», забрасывая бомбами намеченные объекты» [4, с. 63 – 64]. В первые свои вылеты немецкие летчики не знали об отсутствии у оборонявшихся средств ПВО, поэтому бомбили с больших высот. Когда они догадались об этом, то начали бомбить с низких высот. Бойцы 110-й ОККД этим воспользовались и стали вести огонь из стрелкового и противотанкового оружия, сбив несколько вражеских самолетов. Бойцы 292-го кавполка приспособили для стрельбы по воздушным мишеням даже противотанковые орудия. Для этого, как вспоминал П.А. Кругляков, они выкопали под опорные лапы лафета глубокий котлован, благодаря чему орудийный ствол стал подниматься на 75 градусов. Кругляков так описывает дуэль артиллеристов с самолетами во время второго налета 18 июля: «Орудие наведено на солнце. Стая стервятников заходит для пикирования на Багаевский мост. Командир орудия Тецханов дает наводчику Дертынову прицельные установки, заряжающий Эльдаев вставляет в казенник снаряд. Дертынов прикидывает окуляру прицела и выжидает момент выхода самолета из ослепительной зоны солнечных лучей. Наши открыли огонь по самолетам, но снаряды не достигают цели. Обнаружив орудие, три машины отрываются от эскадрильи и делают новый заход с солнечной стороны. На этот раз пикируют прямо на пушку, поливая ее пулеметным огнем. Ранен Эльдаев, к нему на помощь подбегает Андраев, оттаскивает его в укрытие, сам становится на его место. Орудие опять встречает огнем новую атаку бомбардировщиков. На этот раз удача – один самолет вспыхивает. Рядом с орудием падает бомба, и пушка накренилась от воздушной волны. Расчет невредим» [4, с. 100].

19 июля 1942 года подразделения дивизии вошли в непосредственное боевое соприкосновение с передовыми отрядами немецких 3-го тан-

кового и 52-го армейского корпусов. Первыми встретили врага находившиеся в боевом охранении на правом берегу Дона в районе станицы Раздорской подразделения 273-го кавполка, большая часть которого держала оборону на левой стороне Дона [2, с. 92]. Вместе с другими частями Красной Армии бойцы полка до 21 июля отражали попытки противника овладеть станицами Раздорской и Мелиховской, после чего отступили на правый берег Дона, предварительно взорвав за собой наплавной мост Мелиховской переправы вместе с успевшими заскочить на нее немцами. 21 июля 1942 года при обороне Раздорской переправы на правом берегу Дона около хутора Пухлякова совершил подвиг сержант 3-го эскадрона 273-го кавполка Э.Т. Деликов. Из противотанкового ружья он уничтожил три немецких броневика и три автомашины с солдатами. Четвертую автомашину он поджег, будучи тяжело раненным. За этот подвиг Э. Деликову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Весь день 22 июля немецкие войска наносили артиллерийские и бомбовые удары по позициям 273-го кавполка на левом берегу Дона, безуспешно пытаясь под их прикрытием форсировать реку. К 23 июля к правому берегу Дона подошли основные силы противника, и дивизия вошла в соприкосновение с ним на всем протяжении своей обороны [2, с. 98]. В этот день бои шли за Багаевскую и Мелиховскую переправы.

Багаевскую переправу защищали части 292-го кавполка С.И. Ориночко. В своих мемуарах он рассказывал, что рано утром 23 июля через Багаевский наплавной мост переправились примерно 700 красноармейцев – остатки стрелковой дивизии. Ее командир заявил, что за ними больше наших частей нет, и к переправе скоро подойдут немцы [4, с. 85]. Утром 23 июля позиции 292-го кавполка подверглись массированной бомбежке, затем к переправе начали подходить танки и пехота. Под массированным танково-артиллерийским огнем боевое охранение полка на отошло на левый берег, и в дело вступила полковая артиллерия и батарея Отдельного конно-артиллерийского дивизиона. Артиллеристы заранее пристреляли подходы к мосту на правом берегу, поэтому немцы понесли значительные потери от оружейного огня. Несколько раз немцы приближались к переправе и даже прорывались на мост, но всякий раз отбрасывались огнем с левого берега. В полдень 23 июля Ориночко получил приказ взорвать мост. Выждав, когда он заполнится бегущими немцами, саперы взорвали мост.

Не достигнув цели у Багаевской переправы, немцы сосредоточили крупные силы для прорыва в районе станиц Семикаракорской, Раздорской и Мелиховской, где держал оборону 273-й кавполк, усиленный накануне двумя эскадронами 311-го

кавполка. Весь день 24 июля дивизия отбивала попытки врага переправиться на понтонных лодках в районе станиц Раздорской и Мелиховской. В конце дня немцам удалось переправить на левый берег Дона на правом фланге обороны 273-го кавполка до двух рот автоматчиков, однако ночью 25 июля усилиями бойцов 273-го кавполка и переброшенного к нему на подмогу двух эскадронов 292-го и 311-го кавполков они были уничтожены.

Вечером 24 июля стало известно, что противник форсировал Дон и создал плацдармы на левом берегу в районах станиц Цимлянской, Николаевской и Константиновской и что на правом берегу Дона напротив стыка правого фланга 110-й ОККД и левого фланга соседней 156-й советской стрелковой дивизии сконцентрировались его крупные бронетанковые и механизированные силы для переправы. В случае прорыва противника 110-я ОККД попала бы в тяжелое положение. В сложившихся условиях командир дивизии В.П. Панин запросил штаб 37-й армии о разрешении провести перегруппировку сил. Это разрешение он получил, и утром 292-й кавполк был переведен на новый рубеж обороны по реке Сусат – от ее впадения в реку Дон до хутора Сусатский. Прежний рубеж обороны (от хутора Калинина до станицы Багаевской) указанного полка заняли подразделения 230-й стрелковой дивизии.

25 июля 292-й, 273-й кавполки 110-й ОККД и остатки 295-й стрелковой дивизии отражали атаки у Раздорской переправы. По свидетельству С.И. Ориночко, противник под прикрытием авиации и танков трижды прорывался на левый берег Дона, но каждый раз отбрасывался на исходные позиции. К концу дня натиск врага ослаб, но и силы дивизии были на исходе. Ориночко писал: «Необходимо отметить, что противник, имея превосходство в живой силе, артиллерии, при поддержке танков и особенно авиации, переоценил наши силы. Наши силы таяли с каждым часом и, если бы противник совершил еще один налет авиации, а пехота и танки проявили больше настойчивости, возможно, ему и удалось бы овладеть переправой» [4, с. 88].

Ночью 25 июля в распоряжение дивизии вернулись разведчики, которые принесли неутешительные вести. Они рассказали, что прорвавшийся на левый берег Дона в районе станиц Семикаракорской и Константиновской противник активно перебрасывает через Дон свои части. Передовые группы немцев к утру 26 июля вышли на рубеж хуторов Сусатский и Слободской, в результате чего 110-я ОККД оказалась перед угрозой окружения. В своих воспоминаниях бывший начальник политотдела дивизии А.И. Заднепрук и военный прокурор Д.С. Лебедин писали: «Мы

отдавали себе отчет в том, что соотношение сил было слишком неравным: противник во много раз превосходил наши силы не только по численности войск, но и по боевой технике, средствам ПВО и авиации. Наша дивизия совершенно не имела танков, бронемашин, зенитной артиллерии. Не было также поддержки с воздуха. Вражеская авиация господствовала в небе» [4, с. 69].

Оценив сложившуюся обстановку, начдив В.П. Панин принял решение укрепить оборону вдоль реки Сусат по линии хуторов Сусатский – Карповка – Ажинов – Кудинов, одновременно сдерживая немцев на левом берегу Дона [2, с. 116]. Для этого остатки 292-го полка перебросили на северную окраину хутора Карповки для предотвращения прорыва противника к хутору Ажинову, где располагался штаб дивизии, кроме того, наиболее сильный сабельный эскадрон и пулеметный взвод этого полка был передан в распоряжение 311-го кавполка, державшего оборону в районе хутора Сусатский [4, с. 89]. Всю ночь бойцы 292-го полка окапывались и устраивали огневые позиции на окраине хутора Карповка. Комиссар полка П.А. Кругляков впоследствии удивлялся: «Диву даешься, откуда бралось столько сил!? После четырехдневных боев, трех бессонных ночей, к рассвету 26 июля, все воины отрыли себе индивидуальные окопы и соорудили огневые позиции» [4, с. 105].

С утра при поддержке авиации, артиллерии и танков немцы начали атаки на позиции 292-го кавполка у хутора Карповка. Позже комполка С.И. Ориночко признался, что он опасался того, как поведут себя бойцы, увидев танки. «Нам предстояло вступить в бой с танками противника. Ведь до сих пор мы дрались с пехотой, и, хотя ее поддерживали танки, но они находились за водной преградой, и с ними вела борьбу наша артиллерия. Теперь же перед танками не было реки...», – писал он в своих воспоминаниях [4, с. 90]. К чести бойцов полка, они выдержали это испытание. Ориночко с удовлетворением отмечал: «Наблюдая за атакой танков, мы боялись, а вдруг кто-либо из наших бойцов не выдержит, сдадут нервы. К нашему счастью, таких у нас не оказалось» [4, с. 91]. Бойцы уничтожали танки с помощью артиллерии, противотанковых ружей, бутылок с зажигательной смесью.

Утром 26 июля противник атаковал также позиции 273-го и 311-го кавполков, но эти атаки были отбиты. Однако немцам удалось прорвать оборону 156-й стрелковой дивизии в районе станции Семикаракорской, и для указанных полков возникла угроза окружения. Находившийся в это время в распоряжении 273-го и 311-го кавполков и руководивший их действиями полковник В.П. Панин принял решение отвести полки за реку Сусат на новый оборонительный рубеж.

Восточный участок обороны 110-й ОККД проходил от х. Карповки до х. Кудинова. В этом районе находились штаб и тыловые подразделения дивизии. Как только возникла угроза окружения, их начали постепенно отводить за реку Маныч. Оборону на линии Карповка – Ажинов – Кудинов держали специальные подразделения 110-й ОККД, основную ударную силу которой составлял Отдельный конно-артиллерийский дивизион. К обороне также удалось привлечь отставшие от своих частей некоторые артиллерийские подразделения Южного фронта. Это позволило в полтора раза по сравнению со штатным расписанием увеличить количество орудий [2, с. 116]. Руководили обороной на данном участке комиссар С.Ф. Заярный и начальник штаба 110-й ОККД А.А. Раабь.

Для удобства управления артиллерию разделили на два отряда. Одну из них в составе пушечной и минометной батарей возглавил капитан К.Г. Дыба. Группа имела двенадцать 76-мм и 45-мм орудий, четыре 120-мм миномета и шесть противотанковых орудий. Второй группой командовал комиссар артдивизиона В.С. Найдин. На вооружении у нее находилось по четыре 120-мм и 82-мм минометов, две 45-мм пушки и три противотанковых ружья [2, с. 122].

Один из немногих уцелевших в бою 26 июля комиссар В.С. Найдин оставил интересные воспоминания, позволяющие восстановить картину дуэли артиллеристов 110-го ОККД с немецкими танками. Начало боя выдалось удачным, так как немецкие танки сразу же напоролись на мины и фугасы, заложенные накануне саперами. Отгаскивая подорванные танки, немцы продолжали упорно идти вперед. От танков отбивались всеми возможными способами. Артиллеристы старались попасть по гусеницам, бойцы стреляли из противотанковых ружей, саперы забрасывали их гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Некоторые солдаты подползали к уже подбитым танкам и подкладывали под них мины, погибая при этом сами [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 23]. «Страшно ли было? – задает себе вопрос в своих воспоминаниях Найдин и отвечает, – Еще как! Представьте, что на орудие, изрыгая огонь пушки и пулеметов, несется бронированное чудовище. А мы на его виду должны развернуть орудие и ждать подходящей минуты, чтобы ударить сбоку или по гусенице (в лоб снаряд не берет). Страшно, конечно, а теряться нельзя. Растеряешься – пропадешь, враг убьет или раздавит. Страшно только первое время, а войдешь в азарт, обо всем забудешь» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 27].

Танковая атака немцев шла при массированной поддержке огнем авиации и артиллерии, в ней также участвовали самоходные орудия

и бронетранспортеры с пехотой. В течение дня защитники восточного рубежа отбили 5 атак противника, по словам Найдина, на их позиции наступали 80 – 90 танков, и он видел горящими 26 танков. О накале боя говорит тот факт, что, несмотря на ясный, безоблачный день, от туч пыли и пепла, поднятыми разрывами бомб и снарядов, было темно. В итоге немецким танкам удалось ворваться на позиции, где они начали в упор расстреливать и давить гусеницами артиллерийские и минометные расчеты. В этом бою полностью погиб первый артиллерийский отряд вместе со своим командиром – капитаном К.Г. Дыба. Второму отряду повезло больше. По словам Найдина, складки местности позволяли лучше укрыть позиции отряда от огня противника, поэтому он «не весь погиб» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 189. Л. 29].

В то время, как 292-й кавполк и спецподразделения 110-ой ОККД вели тяжелые бои на линии Карповка – Ажинов – Кудинов, в район станции Багаевской, где занимали оборону 311-й и 273-й полки под командованием В.А. Панина, в полдень 26 июля прибыл офицер связи штаба Отдельного кавалерийского корпуса лейтенант В.А. Хитров. Он передал командиру дивизии приказ об отступлении. Панин распорядился немедленно начать отвод 311-го и 273-го кавполков дивизии в южном направлении, за реку Маныч. Он осуществлялся в организованном порядке с боевым прикрытием, и во избежание потерь – поэскадронно. Командир взвода прикрытия, младший лейтенант Н.И. Даржинов описывал отход своего 311-го полка так: «Полк уходил в пешем строю. Позади отходивших эскадронов идут капитан Василенко и батальонный комиссар Гаряев. Узкая горловина между Доном и его рукавом. Это единственный возможный проход для фашистов. Здесь мы и заняли оборону. Полк скрылся. Взвод быстро расставил огневые средства, окопался. Тишина. Бойцы зорко смотрят на северо-запад, в сторону прибрежных зарослей, откуда должны появиться фашисты. Жара, назойливо жужжат комары. Из зарослей выходят три солдата – немцы. Очевидно, дозор. Потом развернутым строем вышло до роты фашистов. Идут не спеша, уверенным шагом. Автоматы взяты наизготовку. Но немцы не видят красноармейцев, окопавшихся на неровной местности. Фашисты подходят все ближе и ближе. Осталось триста, двести метров, 150 метров. Огонь! И разом заработали все двадцать стволов, четыре пулемета и шестнадцать автоматов. Фашисты падают группами и в одиночку. Уцелевшие открыли ответный огонь. Фашистский офицер пронзительным голосом подает команду, размахивая пистолетом. Немцы короткими перебежками пошли в наступление. Они подошли на сто метров. Уже различаются озлобленные и одновременно испуганные лица

немецких солдат. Потом они ползком приблизились к нашему взводу на пятьдесят метров. Враг все ближе и ближе. Красноармейцы непрерывно ведут огонь по немцам. В ход пошли гранаты. Я встал во весь рост с криком «За Родину, за тихий Дон! Ура! Поднялся весь взвод, с криком «ура» ринулся в атаку, стреляя из автоматов и бросая гранаты. Навстречу мне бежит немецкий офицер с пистолетом. Худощавый, рослый, лицо озлобленное, волосы рыжие. Рывок, и я достиг фашиста, вцепился обеими руками в горло, повалил и сел на него верхом. Началась отчаянная борьба. На миг я потерял сознание от боли в спине, где сидели осколки, и немец очутился верхом на мне. Бледно-синие глаза фашиста заслонили небо и жизнь. Неужели конец? Нет! Я еще буду в Берлине! Превозмогая боль, последним усилием отрываю от своего горла пальцы фашиста. Но фашист силен. В этот миг на голову фашиста обрушился приклад красноармейского автомата. Это мне на помощь пришел Бадма-Ара Ширипов. Фашист обмяк, ослабили его руки. Выстрелом из оброненного фашистом пистолета «Вальтер» Ширипов добил врага» [4, с. 120 - 121].

Сразу же после получения из штаба корпуса приказа об отходе Панин распорядился начать отвод подразделений дивизии, ведущих бои в районе Карповки и Ажинова. Выводивший остатки своего 292-го полка из-под Карповки С.И. Ориночко вспоминал, что делать это приходилось под плотным артиллерийским и танковым огнем. Вечером того же дня уцелевший в боях личный состав полка в количестве 300 человек с 2 орудиями и 2 пулеметами переправился через реку Маныч и согласно приказу занял оборону на левом берегу реки в 4 километрах северо-западнее хутора Веселого.

Драматически складывались события на восточном участке обороны дивизии, который защищали спецподразделения (артдивизион, связисты, охрана штаба, саперы). Посланные Паниным в Ажинов разведчики с приказом отходить застали там ожесточенный бой. Из-за этого было крайне сложно обеспечить организованный отход войск. К 15 часам 26 июля вражеские танки и пехота ворвались в Ажинов, где располагался командный пункт дивизии. Завязался тяжелый бой на улицах хутора. В ажиновском бою героически погибли комиссар дивизии С.Ф. Заярный, начальник штаба А.А. Раабь и многие другие бойцы и командиры.

За полчаса до появления танков в Ажинове комиссар дивизии Заярный сумел организовать вывоз документов и знамен полков дивизии, доставленных незадолго до начала боя в штаб, в безопасное место. Свидетель этого события старший писарь штаба Л.Б. Чужгинов рассказывал в своих воспоминаниях о том, что еще 25 июля

в штаб прямым попаданием угодила авиационная бомба, однако находившиеся там бронированные сейфы со знаменами и секретными документами уцелели. По приказу Заярного и Хомутникова он, а также водитель полковника Хомутникова С. Сармуткин, инженер Ц. Буринов и писарь С. Липкин выкопали из воронки сейфы и, погрузив их на машину, доставили в конезавод им. Буденного, где сдали новому начальнику штаба дивизии майору И.А. Теврюкову.

К утру 27 июля вышедшие из боев на Нижнем Дону подразделения 110-й ОККД сосредоточились на южном берегу реки Маныч в районе населенных пунктов Красный, Тузлуков, Свободы, Веселый. За время боев с 15 по 27 июля дивизия уничтожила 4 батальона мотопехоты, 30 танков, 55 бронемашин, 45 минометов, 20 орудий и 38 пулеметов противника, сбила 5 самолетов. Сама дивизия потеряла 600 человек убитыми, 700 человек ранеными и около 200 человек пропавшими без вести. Перешедший на сторону немцев бывший военнослужащий 110-й ОККД Д.Ц. Арбаков потери оценивал в 1000 человек убитыми и 300 человек попавшими в плен» [3, с. 77].

Покинувшие без приказа поле боя, безусловно, бросили тень на дивизию в целом, которая в труднейших условиях выполнила поставленную ей боевую задачу на Нижнем Дону. Первым с этим пришлось столкнуться командованию 292-го кавполка. Во второй половине дня 27 июля в расположение полка прибыл старший лейтенант Капранов, передавший Панину устный приказ сдать позиции соседнему слева полку и двигаться к Майкопу, куда должны были отойти подразделения дивизии [4, с. 92]. Ночью 292-й кавполк выступил в путь и прибыл в Майкоп 5 августа. Каково было удивление бойцов полка, когда они узнали, что в городе частей дивизии нет. Оказывается, 28 июля Ставка Верховного Главнокомандования объединила Южный и Северо-Кавказский фронты в один – Северо-Кавказский фронт. Его командующий Маршал Советского Союза С.М. Буденный для облегчения управления разделил войска фронта на две оперативные группы: Донскую, прикрывавшую Ставропольское направление, и Приморскую, прикрывавшую Краснодарское направление. 110-я ОККД была включена в Донскую оперативную группу и получила приказ отступать в направлении Сальск – Башанта – Ворошиловск (Ставрополь) – Моздок. Все это произошло, когда 292-й кавполк уже находился на марше в г. Майкоп.

Появление в городе Майкопе 292-го кавполка вне своей дивизии вызвало подозрение у командования Северо-Кавказского фронта, штаб которой размещался в станице Белореченской. Прибывший в штаб фронта для выяснения мес-

тоположения своей дивизии командир 292-го кавполка майор Ориночко подвергся основательному допросу и оскорблениям со стороны начальника оперативного управления штаба фронта генерал-майора В.Н. Разуваева. Этот инцидент Ориночко не включил в свои воспоминания, но изложил в письме к М.Л. Кичикову 12 марта 1967 года. По словам С.И. Ориночко, Разуваев на повышенных тонах заявил ему: «Вы трусы, паникеры и предатели, вы, как трусы, бросили ваши рубежи обороны и разбежались кто куда попало. Вся ваша дивизия без приказа бросила свой участок обороны на Дону и разбежалась» [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96]. Еле сдерживаясь от гнева, Ориночко ответил, что это ложь, и дивизия «с честью и достоинством выполнила боевую задачу», поставленную командованием 37-й армии. В качестве подтверждения своих слов он сослался на тот факт, что за время боев на Дону в его полку не было ни одного случая паникерства и бегства. После этого разговора Ориночко допросили двое сотрудников Особого отдела Северо-Кавказского фронта. Они потребовали предъявить им письменный приказ начдива об отходе полка в Майкоп, но, поскольку приказ был устный, то Ориночко наизусть повторил приказ Панина, а также назвал время, место, звание, должность и фамилию офицера, передавшего ему приказ. Его слова подтвердил присутствовавший при передаче приказа оперуполномоченный Особого отдела дивизии И.Е. Орден. Только тогда Ориночко поверили и, извинившись, зачитали приказ о временном подчинении его полка начальнику обороны города Майкопа [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 96]. Группе Ориночко не суждено было больше воевать в рядах 110-й ОККД. Согласно распоряжению С.М. Буденного ее влили в состав 10-й гвардейской кавалерийской дивизии 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Что касается 110-й ОККД, то она после пополнения воевала на Северном Кавказе, Ставрополье и в Калмыкии.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН). Ф. 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов: документы и материалы. Элиста, 1966.
2. В годы суровых испытаний. Элиста, 2003.
3. Гучинова Э.-Б. Улица «Kalmuk Road»: история, культура и идентичности в калмыцкой общине США. СПб., 2004.
4. В боях за Дон: воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 1969.